

П. А. БЕРЛИН

**<Рец. на кн.:> С. Н. Булгаков. Религия
человекобожества у Л. Фейербаха**

М.: Свободная совесть, 1906. 80 с. Ц. 30 коп.

Несколько лет тому назад г. Булгаков предпринял, как известно, чрезвычайно длинное путешествие «от марксизма к идеализму». Этот длинный путь автор совершил с замечательной быстротою и смелостью, оставляющими далеко позади себя жюль-вернское «В 80 дней вокруг света»¹. Этот длинный путь, однако, по-видимому, не утомил нашего автора, и он пустился в новое далекое плавание, — и, вероятно, скоро книжный рынок обогатится его новым путевым дневником «От идеализма к Саровской пустыни»², который вместе с выпущенным им составит интересное описание путешествия «От марксизма к Саровской пустыни».

Казалось бы, что наш автор так далеко успел уйти от своей станции отправления, марксизма, что пора бы ему и забыть о ней, но автор постоянно злобно на нее оглядывается. В последнее время г. Булгаков специализовался на пристаивании к разным знаменитым людям с вопросом «Како веруеши?».

В барском журнале-особняке кн. Е. Трубецкого «Московский еженедельник» г. Булгаков на протяжении нескольких номеров пристаивал с этим вопросом к К. Марксу (см.: Карл Маркс как религиозный тип // Московский еженедельник. № 21, 22, 23). В вышеназванной брошюре автор допрашивает по этому вопросу Людвига Фейербаха³, причем опять-таки все время не спускает глаз с марксизма. Автор вполне справедливо указывает на громадное влияние, оказанное Фейербахом на Маркса и Энгельса. В этом указании нет ничего нового ни для марксистской, ни для антимарксистской литературы; в марксистской литературе мы имеем на это аутентическое указание Энгельса в

известной кн. «Людвиг Фейербах», а в антимарксистской литературе влияние Фейербаха подчеркивал профессор Массарик⁴. Иначе смотрит на этот вопрос проф. Булгаков. Указывая на то, что Энгельс признавал влияние Фейербаха лишь в раннюю эпоху развития марксизма, г. Булгаков прибавляет, что ныне «эта связь идей очень слабо сознается или совсем даже не сознается участниками современного социал-демократического движения» (с. 11). Это утверждение г. Булгакова является совершенно голословным. Позволю себе указать, что в статье «К вопросу о значении философии Гегеля для основных положений марксизма», напечатанной нами шесть лет тому назад в покойной «Жизни», мы подробно говорили о том «сильном влиянии, которое шло со стороны философии Фейербаха». В книге «Германия накануне революции 1848 г.» (СПб., 1906) мы вновь подробно останавливались на громадном влиянии, оказанном Фейербахом на Маркса и Энгельса. Таким образом, г. Булгаков совершенно напрасно думает, что он открывает для «участников современного социал-демократического движения» какую-то Америку своим указанием на влияние Фейербаха на Маркса.

Но, конечно, никакому ни «участнику современного социал-демократического движения», ни его противнику не приходилось договариваться до таких абсурдов относительно значения Фейербаха для марксизма, до которых договорился г. Булгаков. Этот абсурд составляет уже безусловную и неоспоримую оригинальность г. Булгакова.

С присущей его уму страстью к азартной игре, г. Булгаков утверждает ни более ни менее, что «даже переваренное чтение всех трех томов “Капитала” не дает такого понятия об основном духе — *spiritus rector*⁵ — марксизма, как знакомство с Фейербахом» (с. 11). Высказав эту абсурдную мысль, автор впадает в азарт и доходит до утверждения, что «Фейербах в гораздо большей степени является духовным отцом марксизма, нежели сам Маркс, который дал только плоть для идей Фейербаха» (с. 11).

Высказав этот безусловно оригинальный абсурд, г. Булгаков переходит к разбору «религии человекобожества у Л. Фейербаха». Излагая и критикуя философию Фейербаха, наш автор все время пользуется этою философией лишь как мишенью для критики позитивного мировоззрения. Автор рассматривает философию Фейербаха как высший продукт, как высшую ступень гуманизма, «религии человечества» и, доказывая несостоятельность и непоследовательность философии Фейербаха, автор считает, что тем самым он ниспроверг «весь позитивизм, так как Фейербах высказал все, что только можно высказать в за-

питу позитивизма». По адресу «религии человечества» Фейербаха г. Булгаков пишет: «Но и здесь, как и в других случаях, он обречен на борьбу с собой; на погоню за убегающим призраком. Единство человечества — не абстрактное, а реальное, существенное — он хочет опереть исключительно на эмпирической действительности, но почва эта постоянно уходит у него из-под ног, ибо в эмпирическом своем существовании человечество не едино, единство существует здесь для него только как задача, точнее, как норма или идеал, никогда целиком не переходящий в действительность и не осуществляющийся в ней» (с. 68).

Поскольку дело идет о Фейербахе, замечание г. Булгакова относительно непоследовательности вполне справедливо. Но если бы г. Булгаков вместо того, чтобы утверждать, что Маркс и Энгельс «в религиозно-философском отношении оба они являются учениками Фейербаха и притом неоригинальными учениками, с своей стороны только иссушившими доктрину учителя» (с. 9), — если бы вместо подобных утверждений г. Булгаков потрудился вдуматься в критические замечания, сделанные Марксом по поводу Фейербаха, то он бы убедился, что Маркс более полувека тому назад указал на эту непоследовательность Фейербаха и устранил ее. В нескольких «тезисах», набросанных Марксом в Брюсселе в 1845 г. и, к сожалению, не получивших дальнейшей разработки, Маркс пишет: «Сущность религии Фейербах объясняет сущностью человека. Но сущность человека — это вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах не доходит до критики этой действительной сущности. Поэтому он оказывается вынужденным:

1. Абстрагироваться от хода исторического развития, рассматривать религиозное чувство как нечто, совершенно отдельное и ни с чем не связанное, и исходить из предположения об отвлеченном — изолированном — человеческом индивиду.

2. Поэтому человеческая сущность могла представляться ему лишь как “род”, т. е. как внутренняя, немая общность, устанавливающая лишь естественную связь между многими индивидами.

Поэтому Фейербах не видит, что “религиозное чувство” самое есть *общественный продукт*, что анализируемый им абстрактный индивид в действительности принадлежит к определенной форме общества» (см.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах / Пер. с пред. и примеч. Г. В. Плеханова. СПб.: Изд. Львовича, 1906. С. 92).

Мы превосходно знаем, что г. Булгаков со своей идеалистической каланчи с презрительной улыбкой отнесется к этим словам Маркса, но мы полагаем, что из этих слов он увидит, что в пределах позитивизма Маркс устранил противоречие, с торжеством указываемое у Фейербаха г. Булгаковым (см. об этом подробнее в нашей книге «Германия накануне 1848 г.». Глава, посвященная генезису марксизма. СПб.: Изд. Львовича, 1906).

Фейербаховское абстрактное «человечество» Маркс заменил определенной общественной группой, и то чувство ответственности за все человечество, чувство солидарности с ним, о котором говорит г. Булгаков, у Маркса конкретизируется в чувство ответственности и чувство солидарности лишь по отношению к определенной общественной группе.

Г-н Булгаков пишет: «Ведь почему-то я чувствую себя виновным и в Русско-японской войне, и в Цусимской катастрофе — то приходится поневоле признать, что, кроме личной ответственности индивида за свои индивидуальные поступки, есть еще родовая совесть, родное чувствилище, не выдуманное, а реальное общечеловеческое сознание, живущее во всяком индивиду. Его голос может быть более или менее вятен, иногда и даже часто совсем заглушен, но он есть, этот загадочный, таинственный голос, и говорит он: все за всех и во всем виноваты, человечество едино и солидарно, и нет в этом едином и живом целом возможности провести границу, где кончается вина одного или другого» (с. 67).

Смеем уверить г. Булгакова, что «эмпирическое человечество» отлично умеет провести «границу, где кончается вина одного или другого», и провести именно, как показывал Маркс, с помощью «общественного человека», — человека, принадлежащего к известной общественной группе.

